

Скви́рский Н.

30.11.88

Такая профессия

Труд. - 1988. - 30 нояб. - с. 6.

ОДИН СРЕДИ ЛЬВОВ

Львы охотятся стаей, но сигнал к атаке всегда подают кто-то один из них: делает бросок, и остальные тотчас присоединяются.

Так было и на этот раз — атаку на человека начал Самсон...

ДОЛГАЯ дорога поездом изрядно утомила и львов, и дрессировщика. И все же, несмотря на явную раздражительность, на репетиции дюжина могучих хищников вела себя послушно: звери садились на задние лапы, прыгали в кольца, изображали игру в чехарду, ходили по буму... Цирк был пуст, только ассистенты с брандспойтами наготове стояли по ту сторону решетки.

— А теперь — домой! — командовал дрессировщик.

Кажется, «Домой!» — единственный приказ, который львы воспринимают с откровенным удовольствием и охотно покидают манеж. Однако Самсон почему-то заупрямился, и ни угрозы, ни понукания на него не действовали: он не хотел в клетку. «Домой, домой!» — настаивал дрессировщик и протянул ко льву стек — инструмент принуждения. Лев разгневно махнул лапой, и стек — металлический прут — сломался, словно спичка. Все последующее произошло стремительно: второй лапой Самсон ударил человека по боку, подбросил высоко, поймал на лету пастью и кинул на ковер.

— Когда я очнулся, — рассказывает Николай Скви́рский, — Самсон лежал на мне. Ассистент поливал его струей воды из брандспойта, но отогнать не мог. Мне удалось достать пистолет и дважды выстрелить...

Лев лишь отпрянул. И верно, трагически завершился бы эпизод, если бы другой лев — Портос — не бросился на Самсона, не затеял бы с ним драки. Тогда Скви́рский посчитал это счастливым случаем, однако позже, через год, на премьерном представлении в Москве, Самсон вновь напал, повалил... Сразу же рядом оказался еще один лев. Вдвоем они принялись трепать своего повелителя, воспитывавшего их с младенчества. И опять прыгнул Портос, куснул Самсона, откинул второго сородича...

Двенадцать лет работает с этой группой хищников Николай Скви́рский. Некоторых из них, как, например, Самсона, вых-

живал заботливее няньки — у львенка отнялись задние лапы, болели клыки. Вылечил! Это, впрочем, никак не повлияло на отношение зверя к спасителю — вопреки распространенному романтическому мнению, рассчитывать на благодарную привязанность дикого животного никогда нельзя. После первой атаки Самсона дрессировщик около двух месяцев пролежал в больнице с ног по грудь закованным в гипс.

За двенадцать лет он хорошо изучил своих подопечных, сонливых (на свободе они проводят в спячке по 20 часов в сутки) и вместе с тем агрессивных. На себе испытал, каково это, когда лев наносит удар хвостом — сила удара достигает 200 килограммов. Убедился, сколь безосновательно утверждение, будто даже малейший запах крови возбуждает льва и если утром прибрить ты чуть порезался, то лучше не приближаться к льву. А вот недоумогание дрессировщика, а значит, и изменения в жестах, движении, интонации, хищник улавливает мгновенно и впадает в растерянность — что-то здесь не так! Он чутко определяет фальшь в звучании оркестра, сопровождающего представление: если музыка хоть немного не походит на привычную, лев непонимающе смотрит в сторону оркестра.

Дюжина львов — это уже семья, живущая по установленным в ней законам. В ней должен быть старший, вожак, к которому остальные относятся с уважением, побаиваются, но при случае и не скрывают своего недовольства, несогласия. Скви́рский растил своих львов с малолетства и, по логике природы, воспринимается ими как вожак. И тем не менее они время от времени восстают против него. Скажем, был в труппе берберийский лев по кличке Зевс, отчаянный, как считает Скви́рский, симулянт, необычным образом вызывающий жалость у остальных львов. Он порою не желал работать на арене, и любая попытка заставить его исполнять трюки завершалась агрессивной реакцией других

львов — защищая Зевса, они дружно атаковали дрессировщика.

Пришлось с Зевсом расстаться. И расстаться с Самсоном — его отдали в зоопарк. А вот Портос верно служит. Он и еще раз спас Николая, заставив всерьез задуматься и поверить в разумность этого животного. Конечно, Скви́рский замечал, как Портос встречает его: завидев, приветливо поднимается, начинает мурлыкать, трется о прутья клетки, всячески демонстрируя свое расположение. Но ведь и другие львы при приближении дрессировщика отнюдь не равнодушны! И все-таки...

А было так. Лев Костя на очередном представлении воспротивился командам, перехватил клыками руку Скви́рского и ударил лапой. Скви́рский стоял спиной к запасной двери, для того и предназначенной, чтобы в экстремальной ситуации покинуть манеж. Он попытался к ней, и тут еще трое хищников обрушились на артиста, вцепились в ноги, в туловище... Крупный Атос (250 килограммов веса!) положил лапы на плечи Скви́рского и тянул морду к его шее. Ассистенты били из брандспойтов, палили холостыми патронами почти в упор. Холостыми, т. к. боевыми обычно не пользуются, чтобы в суматохе не попасть в зрителей. Львы не пугались ни выстрелов, ни воды. Попробовали приоткрыть дверь, однако Атос, заметив это, вознамерился прыгнуть в нее, а значит — в зал. Дверцу сразу же захлопнули.

Положение было безвыходным. Трагический финал был очевиден. Вот тогда-то вновь в кучу львов ворвался Портос и отвлек зверей на себя. Разгорелась шумная ссора, позволившая Скви́рскому выбраться наружу.

Такие нападения отнюдь не редкость. От них не застрахованы даже очень опытные, вроде Н. Скви́рского, артисты. Историки цирка помнят, как в начале 70-х годов на представлении в Харькове тигр загрыз румынскую дрессировщицу Джигу, как медведи убили нашего соотечественника дрессировщика Кличеса, как белый медведь повалил и искушал опытного дрессиров-

щика Дмитрия Ильворти, Ивана Рубана не раз рвали медведи бурье... Года два назад распространился слух, что погиб некий укротитель, выступавший с рискованным трюком — он клал голову в пасть льву и ничего никогда не случалось, но тут в пасть залетела муха и зверь непроизвольно сомкнул челюсти.

— Ерунда, байка, — сказал мне Николай Скви́рский. — Голова в пасти — совершенно безопасный трюк. Попробуйте положить в рот теннисный мяч и закрыть рот. Не получится. А говорить надо о состоянии нашей техники безопасности. У нас есть довольно пухлый том с правилами, суть которых сводится к одному: если что произойдет — обвинить хоть кого-то... Более того, считается неприличным сетовать вслух, мол, что-то надо сделать, чтобы наша работа была безопаснее. Ага, заметят в подобном случае, значит, он не уверен в себе!

Надо эту самую технику создавать. У нас ведь, кроме брандспойтов да пистолетов, ничего нет. Между тем в мировом цирке существуют средства усиления хищника газом даже в полете. Представитель зверь скакнул на вас, а ассистент стреляет в него порцией газа и мгновенно нейтрализует. Или — электрические стеки с сильным разрядом тока. Или — устройство, в общем-то несложное, но безотказное: за спиной вашего ассистента, как у аквангиста, два легких баллона, один с водой, другой с жатым воздухом. В момент опасности он нажимает кнопку, и тонкая, тугая струя воды отсекает животное... Конечно, производство не массовое, однако необходимое, о человеческой жизни речь.

Спрашивать, почему у нас похожих устройств нет, нужно, наверно, не Скви́рского — Союзгосцирк. Потому нужно спрашивать, что не всякий, посмотревшись на атаки хищников, рискнет осваивать экзотическую профессию дрессировщика. Вот ведь и на советской арене теперь только четыре человека работают с группами львов.

В. СВИРИН.

[Спец. корр. «Труда»].